

Вольдемар Хомко
Похождения Курки-Асиенди

12+

Вольдемар Хомко

Похождения Кирпи-Апенди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65631077

SelfPub; 2021

Аннотация

Странствующий философ, защитник бедняков и поборник справедливости. Это все про Кирпи-Апенди. Из города в город путешествует он вместе с верным каша по кличке Зумин. И там где он появляется, жить простому люду становится чуточку лучше. А мешочки с зуирами у богатых баев делаются чуточку легче.

Содержание

Кирпи-Апенди в Нектабе	4
Глава 1.	4
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Кирпи-Апенди в Шое	26
Глава 4.	26
Глава 5.	34
Глава 6.	41
Кирпи-Апенди в Кекшибе	48
Глава 7.	48
Глава 8.	54
Глава 9.	60
Кирпи-Апенди философствует	72
Глава 10.	72

Вольдемар Хомко

Похождения Кирпи-Апенди

Кирпи-Апенди в Нектабе

Глава 1.

Солнышко еще не выглянуло из-за горизонта, а летняя жара уже начинает понемногу припекать, заставляя юрких зеленоватых ящерок прятаться в свои глубокие прохладные норки. Сухостой по краям пыльного тракта собирается в круглые колючие шары, путешествующие по равнине, резко переходящей в высокие горы, с шапками белоснежных облаков на самом верху. Вокруг ни одного кудука (колодца – прим. ред.) и горе тому путнику, не взявшему запасной бурдюк с живительной влагой. Испепеляющий огонь летнего месяца июля уничтожит любого, посмевшего встретиться с ним в дальней дороге.

Но что это! Мы видим одного такого храбреца, не спеша трусящего на бодро машущем коротким хвостиком каши (ослик – прим. ред.). Каши свеж и весел, впрочем, как и его хозяин. Они двигаются со стороны Анафси и похоже твердо знают, где закончится их нелегкий путь. Вот они подъезжа-

ют поближе, и мы видим знакомую цветастую чалму на голове у путника, а также запыленный халат, бывший когда-то ярко-синей довольно приличной верхней одеждой. Стоптанные туфли задниками утопают в еще прохладной серой дорожной пыли, но это нисколько не заботит нашего героя – он распевает веселую утреннюю песенку, не желая мириться с одолевшей его, дерущей горло жаждой:

В Дадгабе я причислен был
К семи умнейшим мужам!
И философию учил
Чтоб с ураганом сдюжить!

Вы еще не догадались, кто это?! Посмотрите повнимательнее. Насмешливый взгляд, в левой лапке четки из вишневых косточек, и конечно же куча острых иголок, дерзко смотрящих во все стороны. Ну, конечно! Это же уважаемый Кирпи-Апенди! Странствующий философ и защитник всех слабых и убогих. В каком бы городе или деревне он не появился, народ сразу же собирается вокруг и с удовольствием слушает мудреные речи о небе, звездах, о дальних странах и континентах, где успел побывать этот ученый муж. Правда иногда стража, по приказу главы города, прогоняет неунывающего путешественника, но он всегда находит способ обвести вокруг пальца тяжелых на подъем опричников великого Илбирс-хана (снежный барс – прим. ред.) и покидает

очередной гостеприимный и хлебосольный городишко только когда сам считает нужным.

Вот и сейчас, увидев на горизонте высокие голубые купола великолепнейших минаретов, Кирпи обнадеживает своего верного каши:

– Ну, что, Зумин, похоже мы пришли. Ты представляешь, как будет рад нам правитель этого славного города. Правда, я пока не знаю его названия, но народ подскажет нам, странствующим просветителям, куда мы попали. А пока, еще немного терпения, мой четвероногий друг. Скоро ты будешь вкушать чудесную живительную влагу, именуемую в простонародье водой, и твои уши будет трепать встречный ветерок.

Киши словно читал его мысли, ибо, встряхнув своей когда-то шелковистой, а теперь запыленной холкой, он бодро потрусил навстречу всем обещанным его хозяином благам. Башни минаретов казались совсем рядом, но прошло еще несколько часов прежде чем уставшие путники подошли к решетке, перекрывающей главный вход. Перед входом стояла небольшая очередь из купцов, просителей и другого честного люда, ожидающая, когда сборщик податей одарит каждого своим вниманием:

– Что у вас? Торговля? Это три зуира (крупная монета – прим. ред.) таможенного сбора с каждого! Ничего, ничего! Не обеднеете! Вон какие баулы везете! Давай, проходи! Следующий! У тебя что?

– О, великий Кашкулак! (барсук – прим. ред.) Всем известна широта твоей барсучьей души и справедливость при сборе придворных податей! Позволь мне представить Тебе самого Зумина, умеющего предсказывать будущее, а также складывать в уме небывалые числа! Сам эмир хочет посмотреть на него, поэтому я привел Зумина издалека, оттуда где небо падает тебе под ноги, а земля горит адским пламенем!

– Что ты несешь, несчастный кирпич (ежик – прим. ред.)! Как может обычный кашки считать цифры! Даже я это делаю с трудом!

– А вот, смотри! – Кирпи-Апенди поворачивается к своему другу и незаметно берет его за уздцы. – Скажи мне, уважаемый Зумин, сколько будет если прибавить два зуира к еще двум? – Кирпи дергает за повод и надрессированный кашки важно кивает четыре раза.

– А что, если вычесть девять зиринов (мелкая монета – прим. ред.) из десяти. Дай, пожалуйста, ответ? – Кашки кивает головой один раз и Кирпи-Апенди, под изумленным взглядом сборщика податей Кашкулака, садится на Зумина, и они не спеша трогаются, проезжая ворота. Слыша, как позади раздаются проклятья, Кирпи-Апенди прищпоривает друга, и они мигом скрываются в одной из улочек, опутывающих славный город Нектаб – так написано на высокой крепостной стене.

Ища глазами главную площадь города, наш усталый путник, нащупав в кармане всего десять зиринов, грустнеет,

но потом, словно вспомнив что-то, улыбается и они с каши бредут дальше, пока не останавливаются возле арыка (канавы – прим. ред.). Пока ушастый друг утоляет жажду, Кирпи-Апенди ищет глазами ближайшую ашкану (закусочная – прим. ред.). Он уже давно чувствует голод, но прежде всего, ему нужно напиться. Арык для этого дела не подходит, и подождав каши, он садится верхом и через несколько минут они выезжают на площадь города. Здесь ведется торговля кабатом – растением, которое жуют все кедеи (бедняк – прим. ред.), чтобы притупить чувство голода; в ашканах подается изумительный плов с желтой морковкой и отборным рисом; разносчики торгуют свежей, прохладной, ключевой водой. Народу полно. Прежде всего Кирпи хочет напиться и отдает свои последние деньги за холодную кружку влаги. Освежившись, он думает, как теперь заработать на миску плова себе и несколько зеленых лопухов своему кашу. Зумин вертит головой, принюхивается к сводящим с ума запахам и ждет пока хозяин примет какое-нибудь решение. А у Кирпи-Апенди уже возник план. Он заприметил толстого хомяка-бая, торгующего отборным негзунским рисом и направляется напрямиком к нему:

– Удачной торговли, почтеннейший бай! Да прибудет Всевышний Хом в любых Твоих начинаниях!

– Если покупаешь, то покупай! А если нет, не мешай торговле! – Хомяк на жару разомлел, и какой-то маленький кирпи, возносящий хвалу его нелегкому делу, раздражает бая.

– О, мудрейший из торговцев! Я просто хотел заключить с тобой небольшое пари. Спорим, что мой каша рассмеется моей шутке, но не будет смеяться над твоей?

– Зачем мне спорить с тобой, сумасшедший кирпич! – Хомяку не до шуток, он в своей пушистой шубе взопрел, и его вот-вот хватит солнечный удар. Но вокруг начинают скапливаться чычканы (мыши – прим. ред.) и сары-чычканы (суслики – прим. ред.) – обычная городская беднота, а некоторые из них даже подзуживают торговца:

– Не бойся, хомяк-бай! Каша не умеет смеяться! Спорь!

– Ну так что! – Кирпич видит, что торговец почти готов и дожимает его. – Может ты боишься?!

– Ничего я не боюсь! Спорим на ползуира! Призываю всех в свидетели!

– Да! Да! Мы свидетели! – кричат набежавшие зеваки.

– Тогда начинай! – Кирпич-Апенди выводит своего каша в круг и ставит его перед потным баем.

– Ну, слушай, безмозглый каша! – презрительно бросает хомяк. – Один бай говорит другому: «Ты знаешь, чтобы связать свитер, нужно аж три овцы?», а другой отвечает: «Да ты что! А я и не знал, что они умеют вязать!».

Хомяк заливается смехом. Каша молчит, а в толпе кто-то кричит:

– Это старая шутка, почтенный бай! Пусть теперь кирпич говорит!

Кирпич ждет, пока все успокоится и начинает:

– Почему каши перевозит тяжелую поклажу на большие расстояния, почти не требуя пищи?

Все молчат.

– Да потому что он – каши!

Кирпи снова незаметно дергает друга за уздцы, и тот начинает громко орать, скаля зубы и веселя всех окружающих.

– Ты проиграл, бай! Плати! Все видели! – Народ напирает на хомяка, и тот тревожно глядя по сторонам, отдает Кирпи-Апенди пятьдесят зиринов.

– Выиграл, ну и катись отсюда!

– С удовольствием, многоуважаемый бай! —Наш герой раскланивается перед толпой, садится на каши и устремляется к ближайшей ашкане.

Глава 2.

Обмотав поводья Зумина вокруг лошадиной коновязи и задав ему свежей травы из седельного мешка, Кирпи устремляется внутрь ашканы. Сейчас он готов съесть целого быка на вертеле. Но, к сожалению, в кармане только пятьдесят зиринов. Этого хватит лишь на одну миску вкусного нектабского плова. Уже на входе наш колючий герой ощущает запах свежего варева, и принюхиваясь маленьким подвижным носиком, он усаживается за стол.

Время обеда и в ашкане уже много народу. Стоит галдеж – водоносы, бедняки, торговцы табаком, дервиши (монах – прим. ред.), гадальщики и прочий городской люд сидят и обсуждают свежие новости. Некоторые курят кальяны на фруктовой воде, другие просто жуют нектабский табак.

Для Кирпи-Апенди приносят большую, расписанную диковинными узорами пиалу с пловом, на самом верху которого ярко желтеет мелкой стружкой морковь.

Наевшись, наш путник откидывается назад и с удовольствием оглядывается вокруг. Ему нравится слушать этот шум, состоящий из громких криков, гортанных возгласов, смеха и хриплого покашливания. Он путешествует давно и в каждом городе или кишлаке (деревня – прим. ред.) видит одну и ту же картину. Бедный люд пытается выжить и заработать несколько зиринов, чтобы прокормить себя и свою

семью. Но налоги жадного эмира не дают выбраться из беспросветной нищеты. Люди ютятся в развалюхах и глиняных лачугах. Благо, что жаркое лето не дает замерзнуть целой семье. Но зимой приходится несладко.

Кирпи-Апенди прислушивается к разговору за соседним столиком:

– Илбирс-хан снова увеличил подать на торговлю. Я еле свожу концы с концами! Работаю с утра до ночи, табак продается, но на семью остаются сущие гроши!

– Ты прав, Чычкан-баба. Я сам ношусь по базару с утра до ночи. Тяжелый бурдюк с водой давит на мои плечи. Ноги отваливаются. Но налог на воду отнимает всю мою прибыль!

Наш герой слушает все это и ему хочется как-то помочь простым работягам, только и знающим, что работать от зари до заката. Нужно придумать, как убедить городского эмира немного снизить нагрузку на жителей Нектаба. В голове у Кирпи роятся всякие мысли, а пока он решает выспросить у соседей по столику о том, что творится в городе:

– Мир вашему дому! Я обычный путник, странствующий из города в город. Хочу попасть на прием к эмиру. Не подскажите, почтеннейшие, как это сделать?

– И тебе легкой дороги, путник! Если ты решил посетить нашего эмира, то вот тебе мой совет. Забудь об этом. У него есть дела более важные, чем выслушивать просьбы бедняков, а тем более обычных странников!

– И все-таки! Уж больно мне хочется поговорить с уважа-

емым эмиром. Рассказать ему о том, что я видел в дороге и какие города и страны повидал. Авось и примут меня?!

– Ну тогда иди на главную площадь. Там, где идет базар. Увидишь дворец и главные ворота с решеткой. Через дверцу попросишь, чтобы позвали начальника стражи, Карышкыра (волк – прим. ред.). Он или отправил тебя куда подальше. Или, что маловероятно, доложит эмиру о новом посетителе.

– Спасибо тебе, уважаемый Чычкан-баба! А чем вообще живет ваш город? Устраиваются ли гуляния или танцы с песнями?

– Только по окончанию поста эмир позволяет устроить небольшой праздник на главной площади. Иногда выдается плошка риса. А так, мы работаем постоянно. – Мышонок пожал плечами и вздохнул.

Кирпи-Апенди распрощался с новыми знакомцами и вышел на улицу. Зумин радостно заржал, увидев хозяина. Выехав на дорогу, Кирпи медленно потрусил в сторону главной площади. В голове у него постепенно зрел весьма хитроумный план.

Подъехав ко дворцу эмира, наш философ постучал в обитую железом дверь и через минуту окошко в двери открылось и показалась зубастая морда волка:

– Чего нужно?!

– Приветствую тебя, глубоко уважаемый Карышкыр! Меня зовут Кирпи-Апенди. Я – странствующий философ. Я прибыл с очень важными вестями. Эмир должен меня при-

нять, иначе великое бедствие постигнет его и весь его город. Не будешь ли ты так добр и доложишь обо мне?

– А откуда мне знать, что ты действительно философ, а не обычный дервиш-оборванец, какие десятками ходят по пыльным дорогам нашего края?

– Я могу предсказывать события, а также судьбу, если захочешь. Вот ты, Карышкыр, завтра получишь повышение и станешь первым капитаном во дворце.

– Откуда ты это знаешь?! – Волк оскалил свои клыки.

– Так говорят звезды, о благороднейший среди воинов!

– Хорошо. Я доложу о тебе. Жди здесь и никуда не уходи. – Окошко захлопнулось и Кирпи мысленно поздравил себя с первой победой. Теперь осталось убедить эмира, что он, Кирпи-Апенди, может управлять погодой и насылать как ливень с тучами, так и ясное небо с палящим солнцем.

Прошло с полчаса, и наш философ уже начал опасаться, что про него забыли, как вдруг, железная дверь распахнулась.

– Прошу внутрь, уважаемый Кирпи-Апенди! – Теперь начальник дворовой стражи был сама учтивость, и от недоверчивого взгляда не осталось и следа. Волк повел его внутрь дворца, вдоль роскошных покоев и тронного зала. Где бы они не проходили, вельможи провожали взглядами отважного путника и перешептывались между собой.

Наконец, они добрались до опочивальни и волк, оставив Кирпи одного, вышел, закрыв двери за собой.

Через несколько минут из задней двери показались двое придворных. Они были разодеты в роскошные цветастые халаты, а на головах у них были прекрасные тюбетейки из дорогого синего бархата. Встав возле Кирпи, один из них три раза хлопнул в ладоши и произнес:

– Великий эмир Каман-шах (кабан – прим. ред.)! Да не усохнут копыта и бивни его во веки веков!

В комнате величаво зашел небольшого роста кабан, одетый в шелковый расписной зеленый халат, с малиновой тюбетейкой на голове и кинжалом вороненой стали у пояса. Он медленно опустился в кресло из дорогого дерева и величественно махнул нашему путнику правым копытом.

– Говори, философ, но помни, перед тобой великий шах!

Кирпи-Апенди поклонился эмиру и произнес:

– Спасибо тебе, о повелитель, за то, что принял меня! Я – Кирпи-Апенди, странствующий философ. Хочу рассказать, что может случиться с твоим прекрасным городом в ближайшее время. Я умею читать по звездам, поэтому могу предположить, когда и в какой части света произойдут непоправимые события. Они могут влиять на жизни правителей и их дальнейшую судьбу.

Кирпи посмотрел на Каман-шаха, мол продолжать или нет. Тот милостиво махнул копытом, и философ повел свою речь дальше:

– Так вот. В книге судеб написано, что, если созвездие Гончего пса встретится с созвездием Дикого Кота – не мино-

вать беды. Ураган или смерч может снести весь город подчистую. Останутся только развалины дворца и пара бедняцких лачуг. Все будет занесено песком и только стаи стервятников будут напоминать, что когда-то здесь ключом была жизнь и кипел один из самых богатых базаров в крае.

Каман-шах вцепился копытами в ручки своего кресла и в упор посмотрел на маленького философа.

Глава 3.

– Скажи мне, о странник, – наконец произнес шах, – как я узнаю, что ты действительно умеешь предсказывать по звездам? Может быть ты – еще один дервиш-голодранец, который хочет получить награду за бессмысленную болтовню?

– Великий шах! – Кирпи-Апенди поднял лапки к небу, призывая в свидетели самого небесного покровителя. – Владыка небес – всевидящий Хом не даст мне соврать, и я буду трижды проклят если я обманул тебя хоть в одном своем слове! В доказательство своих речей я скажу, что сегодня вечером будет сильный ураган и дождь сплошной стеной прольется над дворцом эмира! Это будет доказательством того, что Всевышний гневается и просит правителя города изменить свое отношение к подданным его. Ты можешь не сомневаться в моих словах, все так и будет. Звезды не врут, бесстрашный из бесстрашных и храбрейший из храбрейших Каман-шах!

– Ну хорошо! – Шах почесал свою бородку и величественно махнул копытом одному из придворных. – На улице жарит солнце, а на небе ни облачка. Этот странствующий философ зародил в моей душе сомнения, поэтому подождем до ночи. А его, на всякий случай, посадим в зиндан (темница – прим. ред.), ибо, если он врет – завтра утром Нектаб ждет развлечение в виде казни через отсечение головы. Дабы лю-

бому дервишу не повадно было вводить правителя и эмира в заблуждение!

С этими словами Каман-шах встал и неторопливо скрылся в задней двери. Вельможи потянулись за ним, а волк, вероятно подслушивающий за дверью, зашел внутрь и махнув нашему Кирпи головой, повел его вниз. Они шли по бесконечным ступенькам, пока не добрались до придворного зиндана. Карышкыр запер философа внутри и оставив тому кувшин с водой и кусок рисовой лепешки прорычал:

– Если к утру в Нектабе не прольется и дождемки – а ливни у нас в диковинку – твоя голова, о философ, будет болтаться на городских воротах, услаждая взоры прибывающих гостей города. – Он засмеялся. – Жалко, что в этом случае я не получу обещанное тобою повышение. – Он лязгнул ключом в скважине замка и удалился.

А наш неунывающий герой сел на холодный пол, скрестив ноги и воздал хвалу Всевышнему Хому за то, чтобы тот его спас от неминуемой гибели. Потом Кирпи взял кусок лепешки и запивая его тухлой водой, начал вспоминать какие именно тучи он видел сегодня утром, на подъезде к славному городу Нектабу. Кирпи-Апенди изучал науку о небесах и знал, что при сильной жаре вполне возможен дождь, переходящий в сильный ураган. Тучи на горизонте также ясно говорили об этом. Поэтому, решившись довериться небесному управителю всей земной погодой, великому Тенгри, Кирпи-Апенди, отобедав, лег набок и сразу же заснул. Он спал

глубоким сном, поэтому не видел и не слышал, как над Нектабом собрались легкие тучки. К вечеру начал греметь гром, и горожане начали разбегаться по своим лачугам, стараясь укрыться от первых тяжелых капель начинающегося ливня.

Предсказание сбывалось.

К ночи ливень, сдобренный сильным ветром, начал бить непрощенным гостем по витражным стеклам дворца эмира. Слушая шум снаружи, Каман-шах со страхом понимая, что великий Тенгри не зря гневается на него, велел срочно выпустить на свободу, несправедливо заточенного в зиндан великого философа.

А наш маленький колючий герой лежал на своем старом потрепанном халате и видел сны. Снился ему его верный кашки Зумин. Он почему-то был сильно недоволен и все время кричал, призывая хозяина. На этом сон закончился, так как решетка зиндана отчаянно заскрипела и послышался знакомый голос начальника дворовой стражи:

– Уважаемый Кирпи-апенди! Извините, что прервал Ваш сладкий сон! Великий эмир просит Вас подняться к нему и разделить с ним поздний ужин!

Спросонья не понимая, что к чему, Кирпи поднялся с холодного каменного пола и покорно пошел вслед за клыкастым стражником. Они проделали обратный путь прямо до покоев эмира. Внутри зала был накрыт богатый дастархан (стол – прим. ред.) на котором можно было найти блюда со всего Каганата (царство – прим. ред.). Тут была и знамени-

тая кукурузная лепешка, самсы с молодой тыквой, прохладный лимонный шербет в высоких, похожих на лебедей, кувшинах.

– Угощайся, уважаемый звездочет! – В углу появился один из вельмож, виденный Кирпи накануне. – Каман-шах сейчас выйдет к тебе.

Кирпи-Апенди, недолго думая, накинулся на еду. Потом остановился и попросил:

– Позаботьтесь о моем каше! Он верно замерз и оголодал возле дворцовых ворот.

– Всенепременно, великий философ! – Вельможа подобострастно кланялся нашему путнику, стараясь во всем угодить ему. – Ваш каше уже давно в лучшей конюшне эмира. Ему задали самого свежего сена и целую корзину початков кукурузы!

– Ну, тогда я спокоен. – Кирпи продолжил трапезу, запивая все превосходным бодрящим шербетом. Думая, с чего такая милость, он решил наесться впрок, пока его не засунули обратно в темницу.

Тут из задней двери вышел эмир и Кирпи вскочил и поклонился правителю города Нектаба. Шах жестом велел ему сесть и пальцем показал на свой кубок. Вельможа тотчас исполнил приказ шаха, наполнив кубок до краев шербетом, а потом отошел в сторонку.

– Я хочу выпить за тебя, величайший из известных мне звездочетов! – Каман-шах торжественно смотрел на Кир-

пи-Апенди. – Твое предсказание сбылось! Весь вечер над нашим славным городом шумел ураган и только сейчас ветер немного стих. Я убедился в правдивости твоих слов, поэтому готов незамедлительно выслушать твои советы. Небесный Тенгри страшен в своем гневе, и я не намерен гневить его еще раз. Ты что-то говорил про моих подданных. Что мне нужно сделать, чтобы не наслать на свою голову ураган?

– Великий Каман-шах! Я могу лишь только процитировать то, что написано в книге Судеб, которую я знаю наизусть. В твоем случае, дабы облегчить свою участь, ты, например, мог бы снизить налоги для обычных горожан, бедняков, дехкан, трудящихся на базаре день и ночь. Это не касается богатых баев, купцов и владельцев караванов верблюдов. Эти всегда найдут пару зуиров для городской казны. Зато, если ты доведешь до отчаяния простой люд, не миновать тебе плахи на главной площади. Вот о чем предупреждает тебя громогласный Тенгри. Ну а я всего лишь передаю его волю.

– Ну хорошо, – задумался шах. —И как мне это сделать?

– Завтра прикажи глашатаям собрать народ на главной площади. И объяви, что, к примеру, снижаешь в половину налог на торговлю водой, табаком и фруктами. А также предупреди Кашкулака, сборщика податей у городских ворот. Я лично был свидетелем, как он грабит честных гостей и торговцев, идущих издалека, чтобы продать диковинные товары в твоём прекрасном городе. После этого, я уверен, могуше-

ственный Тенгри точно смилостивится над тобой.

– Я сделаю это, философ. Но тогда моя казна начнет пустеть! А что если увеличить налоги на богатых? Чем больше твое богатство, тем больше ты должен заплатить?

– Отличная мысль, наимудрейший Каман-шах! Народ будет доволен тобой! – Кирпи-Апенди поклонился эмиру, и никто не заметил улыбку, на миг озарившую его лукавую мордочку.

– Решено! Завтра, после обеденной молитвы я обращусь к моим горожанам! А пока иди в свою опочивальню, великий звездочет! Тебе приготовили удобное ложе, на котором ты будешь видеть одни только прекрасные сны.

– А можно привести ко мне моего каша Зумина? – Кирпи приложил лапку к сердцу, поклонившись шаху. – Дело в том, что он помогает мне в моих суждениях и предсказаниях. Также, он сам владеет некоторыми чудесными способностями.

– Сделайте все, что попросит всевидящий Кирпи-Апенди, – приказал шах. – А теперь мне нужно идти. Я должен досмотреть свой сон. – Он удалился.

На следующий день глашатаи великого шаха обошли весь город, призывая народ собраться на главной площади. Люди шли, недоумевая, зачем в рабочий день их зовет правитель города:

– Казнить что ли будут кого-то?

– Видимо наш шах решил ввести новый налог. На воз-

дух! – Кто-то засмеялся.

– И совсем не смешно. – Пожилой сарычычкан грустно повел носиком. – И так есть нечего. Последнюю пригоршню риса заварили сегодня утром.

– Ну ладно, посмотрим.

Наконец, все собрались перед дворцом шаха и замерли в ожидании. Ударил гонг, возвестивший полдень. На балконе дворца показался сам Каман-шах, придворные, стража и маленький Кирпи-Апенди.

– Жители Нектаба! Я, Каман-шах, забочусь о благополучии своих горожан, поэтому, зная, как тяжело приходится некоторым из вас приказываю: снизить вполовину все налоги для бедных, а для богатых, увеличь налоги соответственно!

Народ зашумел, закричал. Бедняки радовались свалившемуся на них счастью, баи же недовольно ворчали, выкрикивая угрозы.

– Ну все! Расходитесь! Расходитесь! – Начальник стражи Карышкыр велел своим стражникам разгонять собравшихся, а Каман-шах тем временем обратился к нашему герою:

– Послушай, о звездочет! Не хочешь ли ты остаться в моей свите и дальше предсказывать мне все печали и радости, которые могут свалиться на мою голову? Ты будешь сыт, одет и осыпан почестями как никто в моем дворце. Я выделю тебе и твоему каши самые богатые покои. Что скажешь?

– Я благодарю щедрейшего из щедрейших эмиров на этой

части континента! Твое предложение не достойно такого философа как я. Смысл моего бренного бытия заключается в странствовании и обретении новых знаний. Поэтому, кланяюсь шаху в пояс и смею отказаться от такого лестного предложения!

– Ну что ж! Доброго пути Тебе, предсказатель ураганов и ливней! Прими тогда от меня этот мешочек с зуирами. Он поможет Тебе не сгинуть в дальней дороге.

Шах дернул бровью и тотчас один из придворных с поклоном вручил нашему Кирпи-Апенди кожаный мешочек с золотыми монетами. Кирпи поклонился, принял дар и собираясь уходить, попросил шаха:

– Напоследок, смею посоветовать Тебе, светлейший из эмиров, повесить начальника дворцовой стражи Карышкыра до первого капитана во дворце. Так он будет служить тебе втрое вернее и вчетверо лучше. Об этом говорит моя книга Судеб.

– Спасибо Тебе, мудрый звездочет. Я подумаю над этим. А пока время обеда.

Шах со свитой удалился, а Кирпи-Апенди подошел к своему кашу, отвязал его и через полчаса они уже выезжали через городские ворота, направляясь дальше на восток.

– Ну что ж, мой ушастый друг! Мы выполнили все, зачем прибыли в этот славный город Нектаб! Наш путь лежит дальше, через пыльный тракт и зеленые холмы. В седельных сумках сено и трава, бурдюк для воды полон, есть свежий

чурек (лепешка – прим. ред.) и кисть винограда, поэтому я рад и доволен и хочу петь:

Я своей жизнью рисковал
Чтобы помочь кедею!
Эмиру дождь я предсказал
В зиндане коченея!

Кирпи-Апенди в Шое

Глава 4.

Невыносимая жара спустилась с благословенных небес на грешную землю, и вся живность попряталась кто куда, боясь изжариться в этом адском пекле. Вокруг ни души и только если присмотреться, можно увидеть, как по белой от пыли извилистой дороге еле перебирает копытами маленький кашши. На нем из последних сил держится изможденный седок. Пот течет с его уставшей мордочки, а старый халат уже давно превратился в тряпку для мойки пола в самой бедной конюшне.

Наши старые знакомые, Кирпи-Апенди и кашши по кличке Зумин уже преодолели длинный путь, но осталось еще немного. Почти двадцать фарсахов (1 фарсах – примерно 8,5км. – прим. ред.) осталось позади, с небольшими остановками в городе Анагрефе и маленьком оазисе Нашале. Скоро они вступят в пригород большого и шумного Шоа, известного всем купцам, караванщикам и странникам в этой части континента. В этот город стремятся паломники со всего мира, дабы посетить священную гору Хук-Араб, совершить молитву во славу всевышнего Хома и поклониться захоронен-

ным на склонах горы останкам древних воинов. Город Шой переходил от одного завоевателя к другому, пока здесь не воцарилось правление великого Илбирс-хана.

Кирпи-Апенди почти лишился сил, бурдюк с водой показал дно еще день назад, но верный Зумин несет хозяина вперед. Иногда каши останавливается, чтобы сорвать несколько пучков засохшей травы, растущей вдоль дороги. Но Кирпи не обращает на это внимания. К сожалению, золотые монеты за пазухой не превратить в гроздь сочного изумрудного винограда, который утолит и голод, и жажду.

Но Великий Хом милостив к своим детям, и через пару часов на горизонте показывается самая верхушка святой горы. Кирпи поднимает голову и ему кажется, что впереди виднеются башенки крепостной стены. В глазах изможденного философа появляется надежда, и он, поерзав на каши, чтобы не упасть, крепче перехватывает лапками поводья и смотрит вперед. Его иголки начинают бодро топорщиться, а охрипший, иссушенный жаждой голос еле шепчет в длинное ухо приятеля:

– Вперед! Вперед мой верный друг! Мы почти у цели. Еще немного и добрый город Шой примет нас в свои гостеприимные объятия.

Но понятливый каша и сам переходит на легкую рысь, и спустя полчаса они подъезжают к городским воротам. Здесь как обычно очередь из гостей, смиренно ждущих, чтобы уплатить полагающуюся пошлину за въезд. А вот и сборщик податей – толстый одноглазый хорек по кличке Сасык (хорек – прим. ред.). Своим кривым глазом придиричиво рассматривает он купцов, выбирая, с кого можно содрать побольше зуиров за право торговли в городе Шое.

– Послушай, караванщик! Сколько в твоём караване верблюдов?

– Десять, уважаемый Сасык!

– Тогда вы должны заплатить по два зуира с каждого торговца. Один за право торговать, а второй за въезд.

– Но мы еще ничего не заработали, уважаемый! Позволь нам выплатить только половину, остальное мы отдадим, когда будем уезжать?

– Запрещено! Таков закон самого Аю-паши (медведь – прим. ред.)! Нарушать его нельзя!

Медленно двигается очередь, а в глотке у Кирпи все суше и суше. И вот, подъехав к сборщику, он распухшим язы-

ком сообщает, что едет издалека, чтобы посетить священную гору Хук-Араб и осмотреть окрестности прекрасного города. Сасык сдирает с него два зуира, но у нашего философа нет сил спорить с ним. Они с каши минуют стражу и каменную арку решетчатых ворот. Прямо перед ними открывается изумительный вид на город с бесконечной чередой маленьких узких улочек, огромным базаром на главной площади и высокой горой в центре, вокруг которой кипит жизнь этого большого поселения.

Первым делом Кирпи ищет ближайшую ашкану. Он хочет напиться зеленого шойского чая и поспать в тени развесистого урюка, на добротном топчане, застеленным цветастыми атласными курпача (матрац – прим. ред.). Привязав и напоив Зумина водой из арыка, Кирпи, выпив чайник чая, засыпает. Ему снится дальняя дорога, стук копыт верного каша и крепкий запах придорожной полыни.

Солнце идет на закат и непереносимый жар, мучивший всех жителей города, наконец спадает. Базар подходит к концу, вечереет, и после заката во все ашканы набивается куча горожан, желающих съесть горячий чебурек с медовой тыквой и выпить цветастую пиалу горячего чая. Все ведут разговоры о скором окончании поста и о большом празднестве на главной площади. Аю-паша обещает музыкантов, соревнования и бесплатную еду.

Кирпи уже проснулся. Он поел и теперь прислушивается к беседам за соседними топчанами. Заботы у жителей одни и те же. Налоги и подати паши, новый начальник придворной стражи, Бору (волк – прим. ред.), разъезжающий по городу и хватающий неугодных и пререкающихся. А также абреки (разбойники – прим. ред.), появившиеся в окрестностях Шоя. Говорят, они хотят ночью напасть на город и разграбить все лавки богатых баев. Бедняков они не трогают. Наконец, горожане расходятся, а путники вроде Кирпи остаются ночевать на топчанах за дополнительную плату.

Утром, едва огненный шар цепляет горизонт своим первым оранжевым лучом, Кирпи-Апенди просыпается, и почистив от пыли Зумина, задает ему корма, а потом направляется в центр города. Ему интересен каждый житель, каждая улочка, по которой пробегают торговцы, спешащие в центр. Иногда мимо них, скрипя огромными колесами, проезжает крестьянская арба дехканина (крестьянин – прим. ред.), везущего фрукты или табак на базар.

Впереди уже виден, раскинувшийся на многие танабы (1 танаб – примерно 40м. – прим. ред.) вокруг, самый большой базар в южной части Каганата. Чем здесь только не торгуют! Купцы и караванчики со всего юга, а также близлежащих краев привозят в Шой, специи, атлас, рис, парчу и еще много-много всего. Основная торговля начинается ближе к полу-

дню, и базар сразу переполняется покупателями и продавцами, яростно торгующимися под палящим диском шойского солнца. А вот ряд где собрались лекари, дервиши, предсказатели судеб и просто бродячие философы. Они готовы за ползуира рассказать, ссылаясь на свои священные толстые книги, что будет ждать тебя в ближайшем будущем. Здесь Кирпи-Апенди останавливается, так как знает, что среди этих чародеев и волшебников нельзя найти честных сторонников веры Великого Хома. Другими словами, все они плуты и мошенники, готовые ободрать бедняка и забрать у него последний зирин, припрятанный, чтобы купить кусок чурека.

– Подходите, добрые люди! Я предскажу вам., что было, что есть и что будет! Всего один зуир! Подходите!

– Кто хочет разбогатеть, я подскажу как! Пророчество святого Алдамчы еще никого не обманывало! Пятьдесят зирин и вам не надо будет работать!

Кирпи-Апенди останавливается возле одного из таких чародеев, одетого в малиновый халат с белой чалмой на голове. Тот как раз собирается узнать из своей книги судьбу маленького чычкана. Мышонок не мигая стоит, иногда поправляя пояс своего халата и вытирая пот из-под сползающей на лоб тубетейки.

– Книга говорит, что разбогатеешь ты сразу после Великого поста и ни ты, ни твоя семья не будете больше работать. С тебя пятьдесят зирин, уважаемый.

– Подожди, великий провидец! – Кирпи-Апенди вмести-

вается в разговор. – У меня вопрос к тебе. А как ты узнал, что этому уважаемому чычкану не надо будет работать? Разве твоя книга может предсказать такие вещи? Что конкретно написано в ней?

– Отвяжись, почтеннейший. Я сейчас не с тобой разговариваю. Хочешь узнать свою судьбу – становись в очередь.

– Послушайте, жители города Шоя! Похоже, это какой-то обманщик. Ну-ка, прочитай конкретно, что написано в книге. На чем разбогатеет этот чычкан?!

– Книга говорит, что он разбогатеет, продавая табак. Тебя устраивает такой ответ, кирпичи?

Наш герой поворачивается к чычкану и спрашивает:

– Какое твое ремесло, уважаемый?

– Я торгую ключевой водой, – отвечает чычкан.

Кирпи-Апенди снова повернулся к бородатому плуту.

– Ну и что ты скажешь на это, старый мошенник? Как бедный чычкан может из водоноса превратиться в торговца табаком? Сдается мне, ты дуришь честных граждан, а твоя книга бесполезна. Вот я могу предсказать тебе, что ты через пару минут будешь бит толпой, и бит сильно! Как вам такое, народ?!

– Точно! Мошенник! Бей его! – Собравшиеся горожане начали подступать к побледневшему предсказателю судеб.

– Что здесь происходит?! Почему шум и драка?! – К толпе подъезжает дворцовая стража и главный стражник, Бору, смотрит на Кирпи, постегивая плеткой-треххвосткой по вы-

сокому сапогу.

Глава 5.

– Уважаемый Бору! – Из толпы выходит высокий суслик и показывает пальцем на взъерошенного шарлатана. – Этот старый дервиш хотел надурить бедного чычкана! Но этот кирпич вступился за беднягу и вывел бородатого плута на чистую воду! А мы, мы просто хотели воздать ему по заслугам.

– Никому не позволено осквернять конец Великого Надамара дракой и склокой! – Старый Бору злобно смотрит на маленького Кирпи, скаля поломанные желтые клыки. – Вы, двое! Вашу вину определит справедливый зарат – суд наисветлейшего Аю-паши. – Он поворачивается к подручным волкам. – Схватить их!

Народ недовольно зашумел, но старый бородатый мошеник и Кирпи-Апенди быстро оказались в лапах стражников. Несмотря на крики толпы, их потащили по направлению к дворцу великого паши. Миновав дворцовые ворота, стражники повели схваченных философов вниз, по каменным выщербленным ступенькам. Спустившись на несколько пролетов, их втолкнули в огромный зал, служащий зинданом и заперли на ключ.

Старый дервиш охал и ахал, пытаясь устроиться на холодных камнях, а наш неунывающий путник постелил халат и улегся на пол. Вспоминая про Зумина, он был рад, что не взял каши в город. А так, сейчас он в безопасности, пасется

возле ашканы и щиплет свежую травку. Насчет себя Кирпи не особо беспокоился, так как этот зиндан был не первый в его бродячей жизни, и, судя по всему, не последний. Он был уверен, что выпутается из этой неприятной ситуации, а пока он бормотал себе под нос куплеты незамысловатой песенки, пытаясь немного вздремнуть.

Через пару часов заскрипел ржавый замок и пара стражников схватила полусонного дервиша и поволокла его наверх. Кирпи приоткрыл один глаз, а потом задремал вновь, не особо беспокоясь, что будет дальше. Прошло совсем немного времени, и вот, опричники начальника дворцовой стражи пришли и за ним. Грубо толкая маленького философа в спину, они повели его в тронный зал. Там собралось достаточно много придворных, перешептывающихся и поглядывающих на спящего Аю-пашу. Тот сопел, негромко всхрапывая, подперев щеку кулаком, а рядом с ним стоял его визирь – известный во всем Шое Тулку-баба (лис – прим. ред.), поборник чести и справедливости, ратующий за долгие лета трижды светлейшего паши.

Этот Тулку-баба пристально посмотрел на маленького Кирпи и жестом приказал подвести философа поближе. Подтащив кирпи к трону, стражники согнулись в поклоне и отошли подальше. А визирь, тем временем, начал допрашивать Кирпи-Апенди.

– Отвечай только правду, философ и помни, что только справедливый зарат самого Аю-паши может признать тебя

или, виновным, или же оправдать тебя! А теперь говори, зачем ты затеял драку на базаре в преддверии Великого праздника Майраб-Азару!

– Я нижайше кланяюсь Аю-паше и прошу выслушать меня со всей тщательностью и беспристрастностью! – Кирпи поклонился низко-низко, так, что только самый внимательный наблюдатель смог бы заметить на губах у странника легкую усмешку. – Дело в том, что мошенник-дервиш пытался предсказать бедняку его будущее, не имея ни капельки знаний для этого. Он ссылался на свою книгу, в которой вместо линий Судьбы записаны тексты древнейших сказителей и поэтов. Он обманывал жителей города и обманом хотел нажиться на чужом горе. А я всего лишь помог бедному чычкану спасти свои кровные зирины. Я призвал народ в свидетели и все с радостью согласилось мне помочь. Именно эту картину и увидел храбрый Бору, или пусть все мои иголки пойдут на пошив дешевых халатов! Понимая, что нахожусь перед справедливым заратом, я готов выступить на празднике в честь окончания поста. Я философ и звездочет, посему владею большим знанием о нашем мире, небе, земле и океане. Кроме того, мой умный каши умеет считать и понимает речь простых жителей. Он поможет развеселить народ и прославит праздник Майраб-Азару далеко за пределами славного города Шоя.

– Ну что ж. Аю-паша верит тебе больше, чем плуту-дервишу. – Визирь поклонился, повернувшись в сторону дрем-

лющего падишаха. Но мы должны проверить твои знания, прежде чем выпускать тебя перед народом. Скажи, о философе, в реках, морях и океанах вода лежит. А может ли она стоять столбом?

– Конечно, мой визирь. Налей воду в бурдюк, и она будет стоять.

– Ну хорошо. Тогда ответь, что нужно добавить бочке в батман (1 батман – примерно 100кг – прим. ред.) весом, чтобы она стала весить полбатмана?

– Ну это очень просто. Ей нужно добавить отверстие и все, что находится внутри, выльется.

– А ты действительно мудр, колючий звездочет. Тогда последняя загадка. Из какой посуды нельзя ничего поесть?

– Это очевидно, мой визирь. Из пустой посуды.

– Воистину, ты умнейший из философов, которых я встречал! – Визирь кивнул одному из вельмож. – Накормите нашего мудреца и одарите его всеми полагающимися почестями. До начала Великого праздника он будет жить во дворце и услаждать слух нашего солнцеликого паши своими сладкими речами. Бору! – Он повернулся к начальнику стражи. – Накажи этого плута-девиша двадцатью ударами твоей плетки-треххвостки и изгони бродягу из города. Он недостойн находиться в Шое, пусть солнце и ветер решат его незавидную судьбу.

– Позволь мне вернуться к моему верному кашу, мой визирь, – подал голос Кирпи-Апенди. Это мудрое животное

знает много того, чего не ведает и дюжина таких дервишей как этот бородатый самозванец. Я должен вернуться к нему и как следует позаботиться о нем. Кроме того, я хочу побродить по городу и понаблюдать за жителями, дабы сделать еще несколько умозаключений и как следует порадовать всех на празднике окончания поста Надамар.

– Поступай, как тебе вздумается, мудрый Кирпи! – Тулку-баба поклонился маленькому философу. – А мы пока займемся другими государственными делами. Не будем тебя отвлекать.

Выйдя из дворца, Кирпи направился напрямиком к ашкане проверить, как поживает его каши. Он не боялся, что кто-то может осквернить себя воровством. Но, зная, что вокруг города бродят злые абреки, случится могло всякое. К счастью, Зумин оказался на месте и встретил хозяина громким веселым криком, всполошившим окрестных кур и прочую живность. Перекусив четвертинкой алого сахарного арбуза и свежеспеченным в глиняном тандыре чуреком, Кирпи направился к священной горе Хук-Араб. В окончание поста он хотел помолиться во славу пятиглавого исполина, наводящего благоговейный трепет на всех паломников, прибывающих в город Шой на протяжении многих столетий.

У самой горы Кирпи-Апенди встретил старика-чычкана, стоящего на коленях и отбивающего один поклон за другим. Судя по одежде, это был паломник, пришедший изда- лека. Кирпи, чтущий старых людей и всегда готовый полу-

читать крупицу мудрости, попросил старика отвлечься от молитв и поговорить с ним. Старый человек согласился, сел и скрестил ноги. Пожевав потрескавшимися от жары губами, он посмотрел на гору Хук-Араб, возвышающуюся перед ним, вздохнул и начал:

– Жил в одном ауле (деревня – прим. ред.) очень старый и бедный чычкан. Владел он прекрасным белым конем. Арабским скакуном. Жеребец был такой красивый, что даже местный шах хотел купить его у старика за целый мешок зурив. Но тот не соглашался и говорил: «Конь мне как друг. Как можно продать друга?»

Но однажды конь пропал из стойла. И тогда весь аул собрался и начал насмехаться над старым чычканом. Все говорили: «Мы знали, что когда-нибудь твоего жеребца уведут. Уж лучше бы ты его продал. Ты такой невезучий!»

На это старик ответил: «Я не знаю, что было на самом деле. Украли моего коня или он сам ушел. Есть факт, все остальное – суждение. Невезение это или благословение. Это только часть. Кто знает, чем все это обернется?»

Все посмеялись и ушли. Но спустя полмесяца конь вернулся и привел с собой пять жеребят. Все дехкане снова собрались и сказали: «Ты был прав, старик. Это было не невезение, а благо».

И снова старик ответил: «Я не знаю всей истории. Я только вижу, что ушел жеребец, а потом вернулся. Благословение это или нет? Вы прочли одно слово, как вы можете судить

по всей книге?»

Но крестьяне решили, что он не прав. Ведь лошадей стало больше.

У старого чычкана был сын. Он стал объезжать молодых жеребят, упал и сломал ногу.

И вновь жители аула начали кричать: «Вот ведь невезение! Это был твой единственный сын и поддержка! Уж лучше бы ты продал своего коня!»

И в который раз старик отвечал им: «Вы одержимы суждением, не заходите так далеко. Я только знаю, что сын упал и сломал ногу. Я не знаю, невезение это или благословение.»

Так получилось, что скоро в Каганате началась война и все молодые ушли воевать. Только покалеченного сына старика не взяли на войну. Все дехкане горевали и плакали, потому что война была проиграна и почти все молодые погибли.

И тогда пришли к старику жители аула и сказали: «Ты был прав. Это было благом. Твой сын покалечен, но он с тобой. А наши сыновья остались на полях сражений.»

И опять старый чычкан обратился к дехканам: «Вы продолжаете судить. Никто не знает всю историю. И я не знаю. Суждение означает застывшее состояние ума. Не судите, иначе вы никогда не станете едины с целым.»

Глава 6.

Великий долгожданный праздник Майраб-Азару пришел в славный город Ош! Праздник, которого ждали все, от мала до велика; и стар, и млад, бедняки и богатеи.

Ближе к полудню к главной площади потянулись горожане. Шли целыми семьями. Посмотреть на празднество, обещанное великим Аю-пашой и поесть бесплатного плова. Когда ты считаешь каждый зирин, даже небольшая пиала чудесного шойского рисового блюда будет тебе в радость. Наш колючий герой, Кирпи-Апенди со своим неразлучным кашитожее ехали в сторону дворца. Сидя на Зумине и задевая стоптанными туфлями торчащие из мостовой камни, Кирпи размышлял, как помочь беднякам в такой богоугодный день и осчастливить хотя бы часть из них. Он понимал, что плов достанется далеко не всем и поэтому может возникнуть драка, с которой уже будет разбираться незнающий пощады Бору – начальник придворной стражи. Богачи наверняка принесут еду с собой и будут уплетать свежеспеченные борсоки и приправленные остро пахнувшей зирой чебуреки, запивая все бодрящим лимонным шербетом. Они будут наслаждаться умением музыкантов и акынов (поэт – прим. ред.), акробатов и прыгунов. Но никто не позаботится о простых горожанах. По мере приближения к месту основного действия, губы Кирпи вытягивались в довольную улыбку. Он уже знал,

что предпримет. Тем более сам визирь, Тулку-баба разрешил ему поучаствовать в представлении во славу праздника.

Тем временем, с площади уже доносился утробный рев трехметровых карнаев (музыкальный инструмент – прим. ред.), призывающих всех на праздник. Народ все прибывал и прибывал. Наконец, вся площадь оказалась забита зеваками и внезапно прозвучал громкий удар в гонг. Сам Аю-паша в сопровождении свиты спустился на небольшой балкон, чтобы понаблюдать за тем, как будет протекать торжество.

Аю-паша махнул лапой и представление в честь Майраб-Азару началось. Пока невдалеке разводили огонь под огромным казаном для приготовления плова, на специально очищенную от арбузных и дынных корок арену вышли два богатыря-батыра. Напрягая огромные мышцы и потрясая пудовыми кулаками, ходили они по импровизированному полю боя, а потом резко бросились в атаку. Обхватив друг друга бугристыми руками, противники, тужась, старались уронить друг друга на колени или бросить через спину. Зрители кричали и визжали, подбадривая любимцев. Каждый болел за своего бойца, некоторые даже заключали пари на победу, поражение или ничью. Вдруг, один из исполинов, захрипев от натуги, поднял в воздух другого, и с размаху бросил его оземь. Победа была очевидной, и толпа взвыла от радости. Аю-паша махнул рукой одному из разодетых вельмож и к победившему силачу побежал гонец с мешочком золотых зуиров. Победитель, потрясая ручищами, спрыгнул с площадки,

а вместо него уже выбежали три акробата из северного города Салата, славящегося своими пластичными гуттаперчевыми артистами. С ходу запрыгнув друг на друга, они изобразили башню, а потом резко скатились на пол, где начали крутить змейки, ходить колесом и выгибаться до невозможности. Народ обомлел, смотря на такие диковинные вещи, кто-то в ужасе вскрикивал, когда тот или другой прыгун опасно приземлялся на помост. Закончив представление, ловкие акробаты поклонились публике и исчезли.

Далее, к народу вышли несколько акынов и музыканты с рубабками и комузами (музыкальные инструменты – прим. ред.). Под звонкую и мелодичную, ни с чем не сравнимую восточную музыку акыны начали петь о великих воинах, захороненных у подножья священной горы Хук-Араб. Они пели о великих битвах и многотысячных воинствах. О славных победах и горестных поражениях. Ну и конечно, они славили солнцеликого Илбирс-хана, правящего Каганатом вот уже тридцать лет.

К этому моменту от огромного казана с булькающим варевом уже начал разноситься изумительный запах шойского плова. Многие зрители уже смотрели не на помост, а в сторону ашпозчу – повара, ловко управляющегося с двухметровой шумовкой. Он уже обжарил молодую баранину, лук и желтую морковь, засыпал несколько десятков килограммов риса в казан и теперь помешивает праздничное блюдо. Видя, что народ уже в напряжении от безумного запаха, витающе-

го по площади, визирь Тулку-баба объявил обеденный перерыв, и тут же толпа ринулась с захваченными из дома пиалами, дабы отведать праздничного блюда. Стражники успели вовремя сформировать очередь, иначе несчастные бедняки перевернули бы котел с варевом.

Тем временем наш герой Кирпи, подошел к свите паши, и пошептавшись с визирем, приготовился исполнять свой номер. Верный каши Зумин был рядом, и ничего не должно было помешать задуманной Кирпи-Апенди хитрой проказе. Которая, впрочем, смогла бы облегчить непростую жизнь бедняков города Шоя.

Утолив голод, зрители с интересом начали поглядывать на помост, ожидая продолжения. И оно не заставило себя долго ждать. Забравшись на деревянную постройку, Кирпи и Зумин встали так, чтобы зрителям было удобно их лицезреть. Маленький философ начал развлекать зевак, показывая способности каши в счете. Он просил толпу загадывать небольшие числа, а потом «мудрый» Зумин отгадывал сумму или разницу, приводя зевак в восторг. Также, Кирпи задавал каши вопросы и тот крутил головой, отвечая «Да» или «Нет». В конце представления с каши, Кирпи просил зрителей рассказывать смешные истории, и, в зависимости от желания хозяина, четырехногий друг или кричал как безумный, или хранил молчание.

Далее, стащив каши с помоста, Кирпи-Апенди начал рассказывать про небеса, про звезды, про великого небесного

правителя Кун-шаха, каждый день всходящего на востоке и садящегося на западе. Про его спутницу Ай-Пери, помогающую властному правителю ночью, когда огненный властитель спит.

Народ, затаив дыхание слушал рассказы Кирпи, восхищаясь могуществом желтого хана, а также изяществом и небесной красотой белокожей красавицы. Согласно легенде, Кун-шах был очарован стройной, тоненькой как серп Ай-Пери и хотел жениться на ней. Но через месяц, когда должна была состояться свадьба, у красавицы выросла большой живот и небесный властелин с позором изгонял красавицу из небесного чертога. Но на следующий месяц, все повторялось сначала и кающийся шах снова сватался к похудевшей властительнице ночи.

Закончив со своими историями про небесные светила, Кирпи приступил к самому главному. Для чего собственно он и решился взойти на праздничный помост.

– Народ! Я, как придворный звездочет и философ, хочу объявить вам о том, что наш светлоликий Аю-паша хочет сделать щедрое подношение нескольким горожанам в честь священного праздника Майраб-Азару. Эти счастливики получают по одному полновесному зуиру, который могут потратить по своему усмотрению! Итак, сейчас на площадь будет вынесен огромный сундук с золотом, и каждый житель, подойдя, засунет руку в мешочек. Если он нащупает там золотой – ему повезло. Если нет – возможно следующему жите-

лю города Шоя улыбнется удача. Выносите сундук!

Четверо стражников, пыхтя, выволокли огромный окорванный железом сундук на площадь. Они поставили его рядом с Кирпи и открыли его. Тот вытащил из-за пазухи черный бархатный мешочек и расположил его прямо над содержимым сундука.

Мигом выстроилась огромная очередь из горожан, попытать своего бедняцкого счастья. Каждый, подходя к Кирпи-Апенди, просовывал лапку в бархатную темноту мешочка и с криком восторга доставал оттуда золотой зуир. Сначала никто не заметил подвоха. Аю-паша спокойно дремал на своем троне, а вельможи, зевая, думали как-бы скорее покинуть уже порядком поднадоевшее празднество. Стражники стояли возле сундука, будто их это вовсе не касалось. но когда прошло с полчаса и почти все собравшиеся гости праздника побывали возле сундука, визирь Тулку-баба, своим лисьиим чутьем почувствовал обман. С визгом он подбежал к стражникам и велел закрыть сундук. Оглядываясь по сторонам, он пытался найти хитрого кирпи, но наш герой уже смешался с толпой и что есть силы скакал на верном каши, улепетывая в сторону главных ворот города. На его счастье, Шой покидал большой караван, направляющийся на север, к столице Каганата – городу Кекшибу. Затесавшись между верблюдами, сметливый философ только посмеивался, представляя в каком бешенстве будет паша, узнавший, что его провел колючий звездочет. Проделавший дыру в мешочке.

Солнце клонилось к закату, жара спадала и легкий ветерок пробудил в душе путника желание сочинить очередной куплет забавной песенки:

Я в славном Шое пойман был
Но избежал треххвостки!
Зуир кедею подарил
Дабы поел он вдосталь!

Кирпи-Апенди в Кекшибе

Глава 7.

Один за другим, выныривают корабли пустыни из-за высокого, покрытого скудной зеленью холма. Корабли о четырех ногах и зовутся верблюдами. Они несут на себе поклажу по несколько батманов весом, но похоже, их это совершенно не заботит. Жуя старую как этот бранный мир жвачку, индифферентно глядят они вперед, думая о чем-то вечном, незыблемом, нетленном.

Караван из ста вьючных животных перевозит на себе товары для столицы Каганата – города Кекшиба. По случаю окончания Великого Поста Надамара в самом крупном городе края начинается большой базар, и погонщики торопятся успеть занять хорошие места. Во главе процессии едет караван-баши по имени Суур-бай (сурок – прим. ред.). В роскошном, расписанном золотыми нитями халате, в зеленой чалме, неспешно поглядывает он по сторонам. Где-то недалеко должен быть кудук с чистой колодезной водой. Там можно сделать привал, покурить ароматный кальян и пересчитать цены на товары для большого базара. Товаров много: золотые и серебряные изделия, ткани, драгоценные камни, пряности, караван-чай и еще много всего. Прибыль должна

быть огромной. Суур-бай довольно трясет щеками и потирает лапы. Потом, словно вспомнив что-то, оборачивается назад, подзывая молодого чычкана, ведущего небольшого каша. Тот подбегает и шепчет караван-баши на ухо. Бай морщится и махнув лапой, отпускает слугу. Он только что спрашивал про того маленького кирпичи, вроде философа, присоединившегося к каравану еще в Шое. Суур-бай считает, что колючий звездочет мало заплатил за переход в столицу Каганата и хочет взять еще. Но Кирпи-Апенди плетется где-то в конце торговой группы, и искать его слишком долго. Сурок поднимает лапу и командует привал. Караван останавливается. У них есть половина часа на все про все.

Тем временем, наш неутомимый путник, вместе со своим каша Зумином не теряет времени даром. Он разговаривает с погонщиками верблюдов, купцами, стражниками и прочим людом, сопровождающим караван. Ему интересно все что говорит, думает и чем живет весь этот народ, ибо каждое дитя Великого Хома есть крупица мудрости, а наш Кирпи терпелив. Он собирает знания по зернышку, а потом печет в своей, богатой фантазией голове чуреки веселых и незамысловатых историй и небылиц. Но, если на пути философа попадаются благомыслящие паломники и дервиши, тогда Кирпи превращается в слух и впитывает каждое слово, каждый мудрый выдох старца с белой вьющейся бородой. Он узнает новое про небесные тела, про черную материю, окутывающую все живое и про планеты.

К сожалению, кожаный мешочек с зуирами снова кажется дном, но наш Кирпи, как обычно, не сетует на безденежье. Всевышний принесет ему удачу, а вместе с ней и остальные скромные блага, необходимые для выживания простого кирпи и небольшого, верного ему каши.

Караван движется дальше. Он отмахал почти сорок фарсахов и за дальними холмами скоро покажутся высоченные минареты столицы славнейшего Каганата.

Остался один оазис, после которого все приободряются – в столицу нужно прибыть свежими и отдохнувшими – ведь столько забот впереди.

У входа в город выстроилась длинная очередь. Кого в ней только нет! Купцы, баи, переодетые абреки и карманники, дервиши-гадальщики, звездочеты, философы, бедняки, ищущие лучшей доли – все они спешат вкусить столичной жизни и изменить что-нибудь в своей, порой очень нелегкой судьбе.

У ворот пошлину за въезд и другие налоги собирает высокий жилистый, с кисточками на ушах, Сулосун-баба (рысь – прим. ред.). На всякий случай рядом находится целый отряд юрких гибких суусаров (куница – прим. ред.) – тайных стражей самого Илбирс-хана.

Кирпи-Апенди в числе остальных путников платит полагающуюся пошлину. Она окончательно опустошает его карман. Остается ползуира на чайник чая и на самсу с ароматной дыней. Но наш герой не ропщет на превратности судь-

бы. Верный Зумин уже пощипал немного травы, а питье есть в каждом арыке. Друзья отделяются от каравана и устремляются к центру города. По дороге столько всего интересного и завлекательного! Одни вычурные башенки высочайших минаретов чего стоят! А базары! В Кекшибе их четыре! Центральный кекшибский рынок занимает огромную площадь и вмещает в себя торговцев всех мастей. Торгуют яйцом, пахлавой, айраном и сладким хрустящим чак-чаком. Драгоценности, пряности, инструмент для наблюдения за звездами. Есть базар, где торгуют скотом. Можно найти место, знакомое всем ценителям как дорогой, так и дешевой одежды. Будь это малиновый халат знатного паши или отделанная простой грубой ниткой тюбетейка дехканина – все это лежит на прилавках и ждет покупателей. Кроме этого, на каждом шагу попадаются менялы, торговцы фальшивым золотом, спекулянты и другие сомнительные личности.

Кирпи, ведя Зумина за поводья, продирается сквозь толпу, наслаждаясь шумом, криками и громкими возгласами местных и приезжих. По дороге на площадь он замечает ашкану и ныряет в нее, оставив Зумина снаружи. Там он заказывает еду и питье и сидит, скрестив лапы на топчане, вглядываясь в веселые, усталые, злые, добродушные и хитрые лица посетителей чайной.

У каждого из них своя история, свое дело, своя проблема, с которой они пришли поделиться или просто посплетничать.

Кирпи снова слышит разговоры о том, что абреки, кружившие вокруг прославленного города Шоя, устремились в столицу. Теперь не будет покоя ни простым горожанам, ни зажиточным баям. Разбойники оберут всех, не считаясь ни с положением, ни с доходом любого, кто попадется на их пути. Хорошо, что в столице на них есть управа в лице быстрых как молния суусаров. Они-то точно защитят правоверных граждан от нападений и грабежей.

Выйдя из чайной, Кирпи, оседлав Зумина, продолжает путь к главной площади и дворцу самого Илбирс-хана. С трудом пробираясь через толпу, через половину часа Кирпи выходит на огромную площадь, уже заставленную повозками, верблюдами, тюками и прочими предвестниками великого базара. Но не это привлекает внимание колючего философа. Перед ним стоит изумительное, в ярко-зеленых, белых и кофейных цветах тонах величественное сооружение. Фундамент у здания высок, поэтому для входа в главные ворота построено специальная дорога – пандус. На входе, в верхней части главного портала имеется красиво оформленная резная надпись вычурными буквами: «Великий правитель Каганата, светлейший Илбирс-хан». Надпись сочетается с замысловатым восточным узором на высоких голубовато-белых дверях. Тут же располагаются несколько минаретов, облицованных яркой керамической плиткой. У основания и по центру минарета расположены кольцевидные узоры.

Можно только предположить, как красиво выглядит дво-

рец изнутри, но Кирпи-Апенди пока не придумал, под каким предлогом ему попасть на прием к Илбирс-хану. Поэтому насладившись внешними видами дворца, философ возвращается на площадь и наблюдает как знакомые ему по каравану купцы раскладывают свой товар. Они переговариваются и часто смотрят на небо. Скоро полдень и жара начнет печь продавцов и покупателей со страшной силой. Вот тогда держись.

В столице Каганата есть множество достопримечательностей, открытых для изучения, но Кирпи не забывает и о своем долге. Облегчить жизнь простого дехканина и бедняка – без этого он не мыслит свое брренное существование. Но пока есть время подумать и погулять по городу. Покинув центр, маленький философ устремляется в жилые районы, наполненные глиняными кибитками, где обитают как простые чычканы, так и народ побогаче.

И вот, по дороге в квартал для бедных он замечает странную картину.

Глава 8.

Несколько сары-чычканов стоят посреди дороги и возносятся лапы к небу, жалуются Всевышнему на беду, приключившуюся с ними. Наш колючий герой спешивается и подбегает узнать, что случилось. Бедняки, видя участливого кирпичи, бросаются к нему с жалобами на маленького воришку, Арса-ууру (горноста́й – прим. ред.), обокравшего их. Они негодуют, что этот шустрый зверек, прибывший из самого Дадгаба, обокрал простых трудяг. Все те зирины, которые жители Кекшиба хотели потратить на праздничный базар, осели в карманах подлого воришки. Кирпи тяжело видеть жителей столицы в таком состоянии, и он клянется им найти пушистого жулика.

Развернув Зумина, Кирпи-Апенди скачет обратно на главную площадь. Теперь в его планы не входит осмотр дворца светлейшего Илбирс-хана. Зорким взглядом осматривает кирпичи ряд за рядом, ибо знает – аферист с длинным хвостом еще покажет себя. Большой базар только начался, и пользуясь нерасторопностью понаехавших со всех концов Каганата купцов и баев можно получить славную добычу. Кирпи-Апенди не может не повезти, через половину часа он замечает полосатый хвост карманника, вертящийся возле палаток с драгоценными камнями. Цап-царап! И Арса-ууру уже отчаянно пытается высвободиться из железных лап на-

шего колючего путника.

– Ты кто такой и что от меня хочешь?! – Арс показывает мелкие острые зубки, похожие на маленькую пилу. – Жить надоело?!

– Послушай меня, воришка. Я – Кирпи-Апенди и этим все сказано. Если ты меня не знаешь, то это не значит, что меня нет. А если я есть, значит это уже кое-что. Короче, ты обокрал несчастных бедняков в двух кварталах отсюда. Пойдешь со мной и вернешь им все до последнего зирина. И извинишься. Иначе, все воры, собравшиеся на Большой базар, узнают, что знаменитый дадгабский вор крадет у бедных. После этого, я тебе не завидую. Тебя разорвут на тысячу мелких пушистых клочков, и слава о тебе умрет так же, как умирает поденка, вылупившаяся утром из личинки, а вечером ушедшая за горизонт жизни. Ты понял меня, хитрый вор?!

Арс-ууру перестал дергаться, а после того как Кирпи замолчал, совсем сник.

– Я понял тебя Кирпи-Апенди. Я сделаю так, как ты сказал.

– Вот и хорошо. А теперь пойдем к тем беднягам. Они уже заждались тебя. Да не забудь добавить каждому по несколько зуиров, дабы они поскорее забыли это гнусное происшествие.

– Хорошо, о справедливый кирпичи!

Вместе они вернулись к сары-чычканам и горностаю вер-

нул пострадавшим все, что им причиталось. Бедняки не знали, как благодарить нежданного спасителя, но Кирпи велел им не тратить свои благодарности на него, а бежать на базар.

Когда пыль за обрадованными чычканами улеглась, маленький философ повернулся к Арсу и поинтересовался:

– И сколько же баев ты уже осчастливил своей загребущей лапой?

– Ну. – Арс скромно потупил хитрющие глазки. – Базар только начался. У нас есть целая неделя, чтобы набить карманы. Купцы все прибывают и прибывают. Говорят, что к завтрашнему утру все города великого Каганата пришлют в столицу своих представителей. Это будут знатные сановники и вельможи. Вот тогда можно будет развернуться вовсю.

– А вот это уже очень интересно. А что ты знаешь про тех абреков, якобы собравшихся у стен Кекшиба? Я слышал в славном городе Шое, что они намеревались грабить горожан, а потом двинулись на столицу?

– Конечно я наслышан о банде одноглазого Манула-бабы (дикий кот – прим. ред.)! Они который год уже наводят страх на всю южную часть Каганата. У Манула в подчинении сорок кровожадных диких котов, один опаснее другого. Говорят, что они хранят все награбленное в какой-то подземной пещере. Пещера закрывается специальным заклятьем, которое знает только сам главарь банды. Ты хочешь познакомиться с ними поближе? Не советую. Абреки не любят, когда чужаки лезут в их дела. Они привыкли сами лезть в сундуки всех

остальных жителей ханства.

– Я хочу сделать им выгодное предложение. Думаю, они не смогут от него отказаться. Это будет афера века. Если все пойдет как надо, старики еще долго будут рассказывать молодым о том, как Манул-баба надул великого Илбирс-хана.

– Ты хочешь ограбить самого хана? – У Арса расширились глазки и пасть приоткрылась от удивления.

– Ограбление? Нееет! Кирпи-Апенди не привык грабить и воровать. Богачи сами отдают ему свои богатства. А скромный философ передает их простому народу. Беднякам трудно выживать, и не их вина, что они родились такими. Каждый чычкан старается заработать лишний зирин, дабы накормить свою семью. А богатеи, будь то шах, паша или сам хан хотят в виде налогов отобрать этот зирин у нищих. Это и злит меня больше всего. Понимаешь?

– Не очень. – Арс-ууру прилег на теплую травку, вытянувшись навстречу палящему солнцу. – Но ты объясни мне. Я готов помочь тебе. Сначала я думал, что ты просто какой-то абрек. Но теперь вижу, ты справедливый кирпи, желающий добра простому люду. Я помогу тебе во всем, что ты задумаешь. Клянусь тебе в этом своей воровской душой.

– Поможешь? – Кирпи глянул на воришку острыми глазками, расправляя на спине свои колючки. – Это хорошо. Я расскажу тебе свой план, а ты поможешь мне встретиться с этим Манулом-бабой или как его там зовут. Но смотри – если разболтаешь кому – расплата будет жестокой.

– Я весь во внимании. – Горностай сжался как пружина, ушки поднялись, стараясь не пропустить ни звука.

– Тогда слушай. – Кирпи негромко изложил свои мысли, и закончив, внимательно посмотрел на недавнего врага. А тот несколько секунд немо таращился на звездочета, а потом упал на траву и начал кататься по ней, хохоча и повизгивая. Но быстро опомнившись, вскочил и зажав лапкой рот, подошел к философу.

– Ты самый изобретательный кирпи, которого я встречал в Каганате. Никто бы не додумался до такого.

– Ладно, хватит болтать. Теперь ты должен через своих знакомых воров организовать мне рандеву с этим Манулом-бабой, ну а остальное уже мои проблемы. Встретимся вечером в ашкане на краю города, около трех карагачей. А теперь беги, воришка. Надеюсь, на скорую свидание с тобой!

Арс-ууру взмахнул пушистым хвостом и только его и видели. А Кирпи, уже порядком устав от дневной жары, решил заглянуть в чайную. Заказав чайник зеленого ароматного чая на последнюю мелочь, жалобно бренчащую в кармане, он валится на мягкий топчан и погружается в приятную дремоту. В полусне ему видится его родной город Арахуб, родители и родственники, окружившие его заботой и лаской. Вот он сидит за партой в духовной школе, получая первые знания по астрономии и точным наукам. Проходит время, Кирпи взрослеет и вступает в диспут с духовными лицами города по поводу устройства мира и вселенной; потом его

изгоняют из города. Он много путешествует, ведет беседы с бедняками, тружениками, умельцами. Он видит их жизнь со стороны и понимает, как им всем тяжело под гнетом богатого бая, прибравшего к лапам плодородную землю и заставившего честных дехкан затянуть свои пояса так, что, из-под когда-то нарядного халата, теперь торчит худое истощенное тело оборванца. Кирпи всей душой стремится домой, но понимает, что в Арахубе ему будут не рады. Скорее всего, шах прикажет посадить его в зиндан на долгие годы, где он и сгниет, деля чечевичную похлебку с чумными подвальными крысами. Вот поэтому он странствует из города в город, пытаясь осчастливить бедный люд. Стараясь сделать то, что не смог воплотить в жизнь у себя на родине.

Внезапно Кирпи-Апенди приходит в себя и понимает, что солнце уже садится за песчаный горизонт. Ему пора на встречу с дадгабским вором.

Глава 9.

– Ну что, хитрый Арс, ты договорился о встрече?

Кирпи незаметно подкрался к ужинающему вору, и тот поперхнулся лимонным шербетом, залившим ему пол халата:

– Ты такой же юркий, как и я, философ. Пойдешь ко мне в напарники?

– Не время шутить. Отвечай на вопрос. Скоро стемнеет.

– Тогда слушай. Мои коллеги свели меня с помощником Манула-бабы, и тот велел прийти за ответом в полночь. К последнему перед городом Кекшибом оазису. Это примерно половина фарсаха отсюда.

– Отлично. Надеюсь, все пойдет как надо. – Кирпи налил себе пиалу чая. – Если я сойду в цене с главным абреком, завтра в Кекшибе будет славное представление.

– Ты уверен, что у меня получится изобразить вельможу. – Горностай смешно сморщил мордочку. – Свита Илбирс-хана легко может раскусить меня по манере поведения. Ведь я не их полета птица?

– Главное, что все верительные грамоты будут в порядке. А когда посланец из провинции начнет вручать подарки хану, точно будет не до придиричивых расспросов. Поэтому можешь не беспокоиться на этот счет. Ну ладно, нам пора трогаться. Ты допил свой шербет, пушистый воришка?

– Я готов отправиться в путь. Веди меня, о мудрейший кирпичи. – Арс-ууру шутливо вытянулся перед философом, ожидая дальнейшей команды.

Выйдя из ашканы, Кирпи-Апенди отвязал Зумина, и заговорщики не спеша направились к городским воротам. Попрощавшись с подозрительно оглядевшей их со всех сторон стражей, они взяли путь на юг.

Темнота окутала пустынную дорогу и путники, пожившись, заторопились. Прибыв к оазису, они сели у засохшего ручья и открыли бурдюк с водой. Просидев с полчаса, внезапно они услышали шорох, будто кто-то спускается с песчаного холма. Внезапно перед ними возникла фигура, закутанная в темный плащ.

– Мир вам, о путники! – произнес незнакомец. – Я принес весточку от нашего атамана. Он согласен встретиться с вами, но вам необходимо сдать мне все оружие.

– Наше оружие – это голова, в которой есть мозги, уважаемый, не знаю твоего имени. А больше у нас ничего нет.

– Извините, но я обещаю вас. Кстати, мое имя Мышык (кот – прим. ред.), и я помощник Манула-бабы.

– Очень приятно. Я – Кирпи-Апенди, а он – Арс-ууру. Ну и мой каша по кличке Зумин.

– Ну что ж. С этим мы разобрались. А теперь следуйте за мной.

Мышык юркнул в темноту, и зверьки бросились за ним, боясь потерять дикого кота в кромешной тьме. Почти бе-

гом они двигались примерно с половину часа, а потом резко углубились куда-то вниз. В лапах кота откуда-то появился коптящий смоляной факел, а на пути стали попадаться дозорные – коты в черных плащах и с острыми ятаганами. Провожавшие чужаков весьма подозрительными взглядами. Немного поплутав по песчаным пещерам, группа вышла в большую залу, со всех сторон освещаемую ярким светом факелов. В центре сидело, лежало и стояло множество абреков. Они разговаривали, спорили, шипели друг на друга, но при появлении незнакомцев разом замолкли. Десятки разноцветных фонарей-глаз вперились в кирпичи и Арса, наши герои поежились, словно глаза абреков прошивали их насквозь.

– Вы кто такие? – Сиплый низкий голос одного из разбойников, заставил поежиться даже Кирпи-Апенди. Но он быстро пришел в себя, и расправив все иголки, отвечивал:

– Мы пришли повидать Манула-бабу, дабы предложить ему хорошее дело. А вот кто ты такой, это еще надо разобраться!

Кот вскочил, клинок острейшей стали блеснул в его лапе, факелы в пещере мигнули все как один, но никто не обратил на это внимание

– Не зарываешься ли ты, наглый кирпичи, – яростно прошипел он. – Придя сюда гостем, не забывай, что тебя могут унести отсюда мертвецом!

– Уймись, Барыс (барс – прим. ред.)! Это мои гости! Я

пригласил их! – В зале появился небольшой кот с длинными усами. Крепкий, небольшого роста, с пушистым хвостом, в черно-зеленом халате. Он подошел к небольшому песчаному выступу в скале и запрыгнув на него, устался на маленького философа:

– Я слушаю тебя, кирпичи. Мне передали, у тебя есть выгодное дело для нас. Говори быстро и не забывай, что ты отнимаешь у нас время.

– Уважаемый Манул-баба! – Кирпи-Апенди вышел на центр зала. – Я предлагаю тебе позаимствовать немного сокровищ у славного правителя нашего Каганата, Илбирс-хана.

Манул молчал и кирпичи продолжил:

– Сейчас к Кекшибу со всех краев направляются десятки процессий во главе которых находятся знатные вельможи того или иного города. Все они хотят выразить свое почтение хану и одарить его подарками, дабы тот милостиво позволил их хозяевам и дальше править на троне, грабя налогами ни в чем неповинный народ. Сегодня ночью вы поймаете одну из этих, так называемых, ммм, делегаций и заточите их у себя в пещере. А сами, переодевшись, отправитесь дальше в Кекшиб. Мой друг, Арс-ууру будет играть роль вельможи, а ваш почтеннейший слуга будет тем, кем он и является на самом деле – придворным философом. Я буду помогать вам, улаживая уши сборщика податей и стражников. А также помогу при встрече с Илбирс-ханом. Нам предоставят собственные

покои во дворце, из которых мы, глубокой ночью, сбежим и спустимся в сокровищницу несравненного Илбирс-хана. Да не померкнут кисточки на кончиках его ушей. Потихоньку уберем стражу и вынесем столько сколько сможем утащить через вход для прислуги. Его я изучил подробно, и на пути не должно встретиться никаких препятствий. Главное условие – каждый бедняк города Кекшиба должен получить по мешочку с золотыми зуирами. Остальное заберете вы. Если план провалится, вы можете порезать меня на мелкие колючки. Но уверяю вас, я пригожусь вам живым. Еще одно условие – твои абреки, при встрече с вельможами и ханом, должны все время молчать и улыбаться. Говорить будем только я и Арс-ууру. Ну что, согласен? – Кирпи высунул пересохший язык, а потом хлебнул воды из кожаного бурдюка.

Манул-баба молчал и таращился на кирпичи желтыми янтарными глазищами. Потом помялся на лапах и почесал ухо. Пару раз фыркнул и чихнул. После всех этих процедур он прогнулся в пушистой спине и ответил:

– Мне нравится твой план. Рискованно. Как я люблю! Сокровищница самого хана! Об этом можно только мечтать! Если все пойдет как надо, через пару дней мы будем купаться в зуирах! Это не то что грабить простых баев и зажиточных горожан. Хорошо, я согласен. Я сейчас же высылаю дозорных. При первом приближающемся караване, они дадут мне знать. А пока, выпей чаю, о мудрый кирпичи. Напомни мне свое имя?

– Меня зовут Кирпи-Апенди, – просто ответил философ. – Я помогаю бедным и отбираю у богатых. Это моя философия жизни. А за чай спасибо.

Через пару часов дозорные коты заприметили приближающийся к столице караван, и Манул дал команду захватить вельмож и сопровождающих. Половина абреков Манула-бабы ринулись наружу, и уже через час пещера наполнилась телами связанных, попискивающих от страха хомяков-баев и нескольких стражников, сопровождающих караван.

Согласно плана, все коты, посмеиваясь, начали переодеваться в роскошные халаты придворных, а Кирпи тем временем обыскал главного бая. В его карманах он нашел письмо и верительную грамоту со всеми полагающимися печатями. В ней говорилось, что Запул-шах из славного города Нимека шлет хану свои нижайшие поклоны и молит принять все подарки, а также просит милости в дальнейшем управлении Каганатом.

Рассовав по карманам бумаги, Кирпи проверил как идет дело с переодеванием у Арс-уура. А тот, напялив халат и чалму главного бая, уже всю тренировался кланяться перед ханом, веселя абреков.

Наконец, все были готовы выступить в город. Сам Манул-баба переделался стражником, поэтому на законных основаниях у него из-под полы торчало лезвие длинного кривого ятагана. Выбравшись из пещеры, построились в караван, и Кирпи еще раз повторил условие, касающиеся ди-

ких котов – молчать и улыбаться. После этого они тронулись в путь и вскоре были у главных ворот Кекшиба. При оплате пошлины Кирпи-Апенди болтал без умолку, пытаясь отвлечь сборщика податей Сулосун-бабу. Но тот все равно иногда кидал подозрительные взгляды на некоторых диких котов-абреков. Правда, они в ответ только мило улыбались ему, растягивая губы так, что глаза-фары превращались в узкие щелочки. И это сбивало сборщика с толку. Пользуясь этим, Кирпи велел не задерживаться на воротах и двигаться дальше.

Солнышко уже начинало слегка припекать и согревать остывший за ночь песок, когда отряд абреков добрался до главной площади. Кирпи-Апенди пошел узнать, когда их сможет принять хан, а остальные расположились на теплой земле, вынув походные мешки с провизией. Делали они это весьма аккуратно, так как под халатами у них было спрятано разнообразное оружие.

Ровно в полдень, когда палящее солнце встало зенитом над столицей Каганата, процессия абреков из города Нимека потянулась в сторону дворцовых ворот. Стража, проверив бумаги и посмотрев на главного вельможу вместе с его придворным звездочетом, пропустила их и вот, они уже внутри прекрасного дворца. Великолепие и роскошь внутренней отделки, битвы прошлого в виде цветных мозаик и много чего другого – вот что увидели ошалевшие от красоты мнимые представители Запул-шаха. Задравши головы, шли они

по огромным залам, рассматривая царское великолепие и неземное убранство каждого нового коридора и арки. Попав в тронный зал, они вместе с другими делегациями стояли и ждали, когда великий Илбирс-хан появится и осчастливит их своим солнцеликим взором.

Спустя некоторое время, трубно зазвучали трехметровые карнаи, забили барабаны и к вельможам вышел сам лучезарный хан. С важным видом уселся он на инструктированный дорогими камнями трон и оттуда взирал на подданных, воздающих хвалу и многие лета своему правителю. Кирпи-Апенди это уже порядком надоело, но приходилось терпеть, поскольку даже абреки, одуревшие от окружающего их величия, тихо стояли и молчали как им было приказано.

Подошла очередь вручать подарки. Каждый бай выходил и с поклонами вручал придворным сановникам хана дорогие украшения, монеты чистого золота, парчу, шелка, специи. Когда вперед ступил хитрый воришка Арс-ууру, мало того, что подарил он всего ничего, какие-то серебряные монеты и пару сабель, он умудрился стянуть с пальца вельможи несколько золотых перстней и незаметно положить их в карман.

Кирпи-Апенди незаметно погрозил ему кулаком, но тот лишь скромно потупил глазки, мол, не смог удержаться.

Спустя час, официальная часть церемонии подошла к концу, остальные мероприятия была намечены на завтра, по-

этому все вельможи со своей свитой начали расходиться в приготовленные для них покои. Смогли наконец отдохнуть и наши абреки. Им накрыли отменный дастархан, где было все что достойно дворца самого Илбирс-хана. Изумительно пахнувший плов на огромном зеленом блюде, фрукты, овощи, шербет, чай и пахлава с чак-чаком. Проголодавшиеся разбойники накинулись на трапезу, а Кирпи тем временем советовался с Манул-бабой и Арсом, как удобнее распределить воинов, чтобы управиться с сокровищницей как можно быстрее. В итоге решили, что глубокой ночью часть абреков направится вниз и обезвредит стражников. Другие разбойники станут охранять черный вход от случайных гостей. Манул с Кирпи будут контролировать все действия простых воинов. Как только путь к золоту будет открыт, все кто только может, ринутся вниз с мешками и наполнят их доверху. Ну а потом вынесут через задний вход. Вроде, все было просто. Но Кирпи-Апенди знал, что просто бывает только на папирусе, и нужно ждать вероятных сюрпризов. Поэтому он посоветовал всем хорошо подкрепиться и поспать, пока есть такая возможность. Сам же философ закинул в рот несколько борсоков и выпил большую пиалу терпкого зеленого чая. Потом лег на мягкие подушки и тут же провалился в сон. Остальные последовали его примеру.

Шло время. Внезапно Кирпи проснулся, встал и подойдя к окну посмотрел на небо. Оно было чистое, полная луна ярко светила на небосводе, на главной площади никого не бы-

ло. Только вдали стражники светили огоньками факелов и переговаривались между собой. Похоже, пора было начинать грандиозную аферу столетия. Он разбудил своих товарищей, потом подошел к двери и выглянул наружу. В коридоре никого не было, но это не означало, что дворец пуст. Поэтому, вернувшись в комнату, он дал последние инструкции абрекам, а потом договорился с Арс-ууру о возможных стычках со стражей. Нельзя было забывать и про тайных воинов хана – суусаров-невидимок.

Манул-баба увел своих абреков в сторону ханских покоев, искать сокровищницу, а Кирпи вытащил из мешка заранее припасенное масло и снял пылающий факел с подставки. Теперь он был готов ко всему.

Тем временем, опытному в темных делах Манулу не составило особого труда найти хранилище для золота. На входе, прислонившись спинами к дверной решетке, спало двое стражников. Они храпели так, что решетка двери жалобно позвякивала. Быстро скрутив растяп и засунув кляпы им в рот, абреки начали ковырять увесистый замок. Ключ естественно был у хана или визиря, но очень трудно было выкрасть его, не разбудив всех слуг и личных стражников правителя Каганата. Таким образом, прошло не менее половины часа, прежде чем дужка замка выскочила из отверстия и дверь приоткрылась. Начали грузить золото и драгоценности в мешки, один из абреков помчался назад предупредить других. Нужна была срочная помощь в погрузке ценностей.

Ситуация становилась все напряженнее. Первые мешки потащили в сторону черного входа. Манул-баба был благодарным абреком, поэтому не собирался выносить всю бездонную сокровищницу хана. Брали столько, сколько могли унести. Опытные дикие коты старались не звенеть и не шуметь, двигаясь по коридорам. Кирпи-Апенди направлял их, указывая путь наружу.

Абреки волокли очередные мешки, когда раздался резкий визг и из-за угла на разбойников кинулись несколько маленьких пушистых воинов. Это и были тайные стражи, патрулирующие покои дворца. Главное теперь, чтобы они не сообщили начальнику дворцовой стражи о происшествии, иначе пиши пропало. Кирпи был неподалеку, поэтому он сразу среагировал и велел бросить последние мешки и убираться прочь. Сам философ ждал у дверей. Отбиваясь от юркого и сильного противника абреки, не понеся потерь, выскочили наружу. А Кирпи разлил припасенное масло по коридору и бросил горящий факел на пол. Теперь, на месте отступления банды абреков образовалось пожарище и даже самые отчаянные воины не решились бы кинуться в погоню за наглыми ворами. Каждый тяжеленный мешок с награбленным взяло по четыре кота, и теперь случайный прохожий мог видеть, как через весь город спешит сорок абреков с мешками во главе с Манул-бабой и двумя маленькими зверьками. Выбраться через главные ворота было невозможно, поэтому воспользовались специально проломанной для такого случая

крепостной стеной.

Вытаскивая последние мешки, они слышали, как в городе поднимается суматоха, раздаются крики стражников и мелькают отблески факелов. Но им уже можно было не беспокоиться. В погоню среди ночи никто бы не бросился, потому что никто толком не знал, что все-таки произошло. И когда суусары доложили начальнику стражи о произошедшем, абреки были уже далеко. Золото не тянуло их плечи. Бежали они резво и скоро уже были возле оазиса. Нашему колючему герою повезло, у него не было груза. Но пыхтя вместе со всеми, он на ходу сочинял очередной куплет своей незамысловатой песенки:

В Кекшибе хана обмануть
Мне помогли абреки!
И в книге судеб золотой
Останусь я навеки!

Кирпи-Апенди философствует

Глава 10.

Пустынная жара добралась и до гористой местности. Не спасает от нее ни близость снежных вершин, ни почти пустой бурдюк с водой. Вода выходит почти сразу же, как только ты делаешь несколько глотков. Выходит с потом, через кожу. Ах, если бы легкий ветерок пронесся мимо, охладил разгоряченное тело, уставшее от пыльной нудной дороги.

Седок вздыхает, поправляет попону на которой сидит, и продолжает свой нелегкий путь. Старый, рваный, когда-то ярко-синий халат. Стоптаные туфли с загнутыми носами. На голове чалма, серая от пыли, что даже не понять, какого она цвета. Вы не узнаете его? Это же наш знакомый, Кирпи-Апенди! Он двигается на восток, а его верный каши Зумин все так же бодро перебирает копытцами, иногда спотыкаясь о мелкие камешки и отгоняя длинными ушами случайных мух и оводов. Как обычно, в кармане у путника только несколько зуиров, но Кирпи не унывает – Великий Хом помнит о своем чаде и всегда поможет в трудную минуту. Покачиваясь на каши, Кирпи-Апенди вспоминает последние свои похождения и слабо улыбается. Пересохшие губы потрескались, но ему приятно осознавать, что почти каждый бедняк

города Кекшиба получил по кожаному мешочку с золотыми зуирами. Верный своему слову Манул-баба в следующую за грандиозной аферой ночью приказал всем своим сорока абрекам разнести часть украденных из казны Илбирс-хана денег по всем бедняцким домам. Всю ночь бегали они по улочкам, кидали деньги в открытые окошки, оставляли под дверью, но в конце концов выполнили волю своего бабы. Но, а как распорядится каждый дехканин неожиданно упавшим на него богатством – известно только одному Всевышнему.

Такой наглый грабеж среди темной ночи свалят конечно же на абреков. Ведь никто и не вспомнит, что среди разбойников был небольшого роста философ, который наставлял на путь истинный переодетого Арс-ууру.

Кстати, маленький хитрый горноста́й все также ворует, но простых бедняков он больше не трогает. Встреча с Кирпи-Апенди повлияла на его жизнь, и теперь он стал умеренным в своих аппетитах и крадет только по острой необходимости. Работать он не умеет, ведь воровское ремесло – это и есть его работа, как не крути. Ну, да ладно.

Кирпи-Апенди снова улыбается своим мыслям и отгоняет лапкой надоедливое насекомое, кружащееся вокруг носа. Он держит свой пут на восток, туда где восходит солнце, но что будет за следующим поворотом, он не знает. На пути обязательно попадетс я наполненный свежей водой кудук, может повстречаться и оазис. Ну и обязательно, очередной город великого Каганата встретит нашего колючего путника

все теми же решетчатыми воротами, сборщиком податей и кучей простого люда, бегающего, суетящегося, чтобы заработать себе и своей семье на пропитание и прожить еще один душный пыльный день.

«И все-таки, не все из бедняков так уже несчастны, – рассуждает Кирпи-Апенди про себя. – Многие не стремятся к огромному богатству и относятся к жизни с довольством. Они рады и тому, что посылает им Великий Хом, и готовы работать за небольшую плату, главное, чтобы богатый бай, шах, паша или сам великий хан не отбирал у них последнее, и не заставлял мучиться, пытаюсь найти лишний зирин на кусок чурека».

Он вспоминает притчу про богатого бая и его маленького сына.

Однажды бай решил показать сыну, как живут бедняки. Они поехали в аул и пробыли там один день и одну ночь. Вернувшись домой, бай спросил у сына:

– Ну что, понравилась тебе наша поездка?

– Да, отец, все было так интересно!

– А что ты вынес для себя из нашего путешествия в аул?

– Я увидел, что у нас есть одна собака, а у той бедняцкой семьи четыре пса. Что у нас вырыт бассейн в саду, а у них вид на прекрасное бескрайнее озеро. Мы на ночь зажигаем кучу факелов, а им всю ночь светят звезды.

Отец-бай был ошарашен таким ответом, а мальчик добавил:

– Спасибо папа, что показал мне какими богатыми могут быть люди!

Кирпи-Апенди не хочет больше философствовать, у него появляется озорное игривое настроение. Несмотря на усталость он желает петь, тем более в его песенке есть место еще одному куплету. Стесняться некого – на пустынной дороге не видно никого кроме парящих над головой беркутов, оседлавших горячие воздушные потоки:

В Дадгабе я причислен был
К семи умнейшим мужам!
И философию учил
Чтоб с ураганом сдюжить!

Я своей жизнью рисковал
Чтобы помочь кедею!
Эмиру дождь я предсказал
В зиндане коченя!

Я в славном Шое пойман был
Но избежал треххвостки!
Зуир кедею подарил
Дабы поел он вдосталь!

В Кекшибе хана обмануть
Мне помогли абреки!

И в книге судеб золотой
Останусь я навеки!

Объеду мир я на каши
И покажу всем баям!
Что жить в богатстве и во лжи
Совсем не подобает!

июнь 2021 года. Медвежий Стан